

Михаил Ефремов:

Пьешь не ради опьянения, а ради похмелья

Михаил Ефремов — один из самых мощных актеров в своей небедной генерации. Кто видел его на сцене или в лучших киноролях — знает, что по силе и точности он не уступает прославленному отцу. И спектакль его «Еще раз о голом короле» — по комедии Леонида Филатова, к 50-летию «Современника» — был хорош, хоть и задумывался как капустник.

Именно поэтому мне странно читать о Ефремове в светской хронике: там он женился, там развелся, там напился, туда пришел с похмелья. И вообще он чаще упоминается как друг своих друзей: Сукачев, Охлобыстин, Бондарчук. А даже начинаю думать, что ему самому нравится это амплуа — иначе почему он ничего не делает, чтобы его слышать? Для человека, понимающего, что и как он может, следящего за ним с первой его киноработы — знаменитого подросткового фильма Инны Туманян «Когда я стану великаном», — нынешний статус Ефремова странен, несмотря на успешные комедийные роли в многочисленных сериалах. И я пошел к нему разбираться.

Четверых детей тоже надо как-то кормить!

— Миша, я вас видел в «Мышах и людях», да много где... И хочу спросить: где ваши большие трагические роли? Ваша регулярная работа в театре, новые постановки?

— В каком театре — в репертуарном, классическом?

озабочены чьей-то участью. Это им надо, чтобы лучше выглядеть. Серьезный вид — первый признак самовлюбленности, пафосного отношения к себе, и вы от меня не дожидаетесь этого. Я — артист, профессионал. Что будет, если плотник-профессионал начнет рассуждать: «Почему я должен забивать этот гвоздь? Я хочу серьезный гвоздь, настоящий, трагический...» Мне предлагают — я играю. Мне, между прочим, еще и четверых детей надо кормить.

— Уже четверых?!

— Да. Старший в институт поступил.

— В какой, интересно?

— Угадайте.

— В Школу-студию МХАТ, наверное.

— Правильно.

— А там его бабушка, моя мама, Алла Покровская. Говорит, мальчик способный. Был бы неспособный — она бы его быстро развернула. Впрочем, после первого курса ни о чем говорить нельзя.

— И вас устраивает такой подбор ролей?

— Что значит — «устраивает»? Меня не устраивает однообразие. Одно время чередой шли полковники всяких спецвойск. Сейчас доигрываю очередного, в сериале. Но и в сериале, я вам скажу, вполне можно оттянуться — вот была у меня вторая в жизни женская роль, в фильме «Супергерои для неудачника». Комедия абсолютно глупая, хотя смешная. Куда бы я ни пришел — все узнают меня именно по этой роли. Значит, что-то в ней было.

— Я не видел.

— Вот, стараетесь, а вы не смотрите. Обидно.

Моя главная роль — Лоханкин

— Вас упоминают в одной компании с Охлобыстиным, Сукачевым, Бондарчуком, клубными персонажами, звездами во втором поколении... Это действительно некая постоянная дружеская тусовка — или скорее имидж, который вам тоже нужен в своих целях?

— Я тусуюсь во многих тусовках, если так можно сказать. У меня нет своего постоянного круга. Хотя есть друзья. Охлобыстин, кстати, — звезда в первом поколении, он происходит из обычной семьи городской интеллигенции, советского среднего класса, никакого отношения к искусству не имел, пока не пошел во ВГИК. Сукачев — парень с инженерным, кстати, образованием — единственный из нас что-то сделал для людей реально, по его проекту станция метро «Тушинская» построена. Он может ее показать и гордо сказать: вот, своими руками... Кроме того, у него высшее режиссерское образование — тоже, кажется, у единственного из компании. Чуть ли не в Липецке он его получил. Что до детей звезд — они с двухлетнего возраста вместе росли, и «Современник» был для всех родным домом, и тетя Галия Волчек была мне как вторая мама. И смешно, наверное, нам предъявлять претензии, что мы до сих пор общаемся. Кстати говоря, все это второе поколение показало себя вполне достойно, на мой взгляд. За что бы ни брался Бондарчук, он в любом качестве органичен. Нервный Фил Янковский сделал две картины, приступает к третьей, сыграл в нескольких фильмах, начиная с «Зеркала»,

и никак не заставляет отца краснеть. Есть еще такой журналистский штамп: «А вам легко быть сыном Олега Ефремова?»

— Заметьте, не я это спросил.

— Ну, я все равно скажу: не знаю, легко ли мне. Я никогда не был никем другим, мне не с чем сравнивать. Мне нравится быть сыном Олега Ефремова, нравится то от него, что есть во мне.

— Что, в частности?

— Ну... такой Чехов, который в нем был.

Он вообще больше всего в жизни был похож на Чехова. Под конец жизни — особенно. И кого бы ни играл, какого бы советского положительного персонажа, — все равно видно, как ему каждую секунду жизни неудобно. За себя, за всех, перед всеми. Вот это «неудобно» — ключевое чеховское слово. Я сам сейчас впервые в жизни сыграл наконец настоящего чеховского персонажа, очень на меня похожего. И чрезвычайно горжусь этой ролью.

— Ну?!

— Вассуалия Лоханкина в новом «Золотом тельнеке», ко-

выше остальных. Хотя фон достойный — Хабенский, Миронов, Машков, Гармаш, Пореченков, Домогаров, молодых много.

— Но мне кажется, он давно играет на штампах...

— Ну, вам кажется, вы, значит, лучше можете. Я для себя вывел формулу большого артиста: талант — только одна составляющая, пусть главная. Должно быть умение сосредоточиться, мгновенное переключе-

Средний возраст — это вся жизнь в каком-то смысле. Поэтому у меня такой кризис случается раз в два-три года...

торого ставит совсем молодая Ульяна Шилкина.

— Но это же чистое издевательство, а не чеховский герой! Ильфа и Петрова обвиняли в предательстве интеллигенции!

— Никого они не предавали, они прекрасно написали русского интеллигента как он есть. Пусть деградировавшего, да. Мне интересно сыграть, что он позволил с собой сделать. Правда, сцена порки снята целиком. И когда мне приклеили бороду эту чеховскую — она так естественно продолжила лицо, додела до такой законченности, что я сразу понял: мое, правильно. Я очень благодарен Олегу Меньшикову, что он меня на эту роль рекомендовал. Решение приняла Ульяна, но с его подачи. У нас был с ним случайный разговор на эту тему — вот, говорю, я сыграл бы... А он за год не забыл. Я ценю в нем это — что ничего не забывает.

«Советское» — значит другое

— Вам нравится Меньшиков как артист?

— Не буду оригинален, сейчас это номер один, на голову

чение себя в рабочий режим. Вот он этим обладает вполне.

— А вы?

— А я сильно завишу от формы. У меня нет такой готовности номер один. Меньшиков все время работает. А если говорить о штампах... Иногда он вынужден это делать, просто выхода нет, потому что такой литературный материал. Эрэца-литература в основе. Случай «Статского советника». Там один Никита Сергеевич Михалков разыгрался по-настоящему — думаю, именно поэтому, что впал в настоящее отчаяние от скудности материала и начал стремительно выдумывать себе роль. Меньшиков пошел по другому пути. Он там, кажется, вообще ничего не делает. И именно это его подчеркнуло неучастие ни в чем делая. В итоге роль. Видно, что он не хочет играть во все эти игры, — и сразу появляется объем.

Эрэца-литература вообще экранизировать нельзя, потому что в ней не заданы направления, по которым можно додумывать персонаж. Он плоский совершенно. Я там так и отрабатываю — чистая карикатура.

Хотя предполагалось-то сначала, что я должен играть японца Масу. А это уже было бы интересно, потому что про него вообще ничего не понятно. Можно было бы повдумывать...

Мне грим сделали, сохранилась фотопроба: замечательная. Всем друзьям показываю, говорят — не узнаваем.

— Извините, что я спрашиваю. Но всем известно, что отец ваш пил много, это даже попало в книгу Смелянского и сделало ее скандальной...

— «Уходящая натура» написана с любовью и без грязи. Если вас интересует, что я думаю о публикации насчет моего алкоголизма...

— Да, и насчет самого алкоголизма, если он есть.

— Он сильно преувеличен, как минимум. Но я не собираюсь вам говорить, что не пью. Это глупо было бы. Я пью, причем не столько ради опьянения (мне и в детстве не удавалось допить до абсолютной эйфории, до счастья), сколько ради похмелья. Это особенное состояние, которого ничем иным достигнуть невозможно. Тут стыд, страх, полная честность — все вместе. И когда играешь на сцене с похмелья — тут у тебя по-настоящему обнаженные нервы.

— А как вы отнеслись к откровенному интервью о вашем браке с Женей Добровольской, которое она дала недавно?

— Никак не отношусь. Ей зачем-то это нужно. Комментарий не буду, опровергать — тем более. Моя личная жизнь никого не касается, я

Михаил Ефремов органичен и в роли светского персонажа на открытии Московского кинофестиваля (1), и в роли бывшего мужа Евгения Добровольской (2), и в роли сына знаменитого отца (3), и в роли сына в «Статском советнике» (4) или «9-й роте» (фото 5 внизу разворота)

если кто-то о ней знает — не страшно. Моя нынешняя жена сидит вон за тем столиком, она звукорежиссер у Гарика Сукачева. Видите, как у нас все переплетено.

— Есть фильмы, которые вам понравились за последние время?

— Советские? В смысле — российские?

— Вот интересно, кстати: почему уже 15 лет — Россия, а все говорят — «советские»?

— Ну, наверное, потому, что «советское» — принципиально другое, отличное от всего остального. В этом смысле кино действительно советское, оно так и не превратилось в американское или европейское. И это к лучшему, наверное. Но я мало смотрю, понимаю? Вот «Свои» — сильная картина. Я после нее пятнадцать минут просто молчал, не хотелось разговаривать. «В движении» — интересное кино, я могу его объективно оценивать, хоть и сам там играю. Наверное, движение там как раз маловато, но Филипп этого и хотел — изобразить вязкое, стоящее гламурное болото. Точно сделано.

— «Жмурки», например, вы видели? Такое демонстративно плохое кино?

— Ну, не совсем. Это скорее кино демонстративно плохого человека, который всему миру говорит: вот что я сейчас буду делать на ваших глазах, а вы, скоты, будете смотреть. Но это интересно, и Сукачев хороший там.

Пусть все скорей развалится

— А театры? МХТ, например?

— Я опять-таки мало смотрю. То, что там ставил Серебренников — отлично. Но в лю-

бом случае — если Олегу Павловичу удастся спасти театр, дай Бог ему здоровья и удачи. Драматургия современная... не знаю, есть ли она. Братьев Пресняковых люблю, Коляда не внушает мне восторга... Сигарева знаю недостаточно. Но не надо, мне кажется, предаваться сейчас какие-то требова-

ния глобальные. Одно время все кричали: Гришковец, Гришковец — гений! Теперь иногда читаю, в том числе у вас: Гришковец — пошлость! А это не гениально и не пошлость, а просто другой жанр. Это не театр на самом деле, а нормальное варьете, на хорошем профессиональном уровне. И нет никакой драмы, если литература — в эрэца, потому что сейчас вся наша жизнь развивается в этом жанре. Это жанр перехода огромной империи, страшной и кровавой, в несколько более мелких образований, на которые Россия распадется неизбежно, и лучше бы поскорей. Ну, и искусство развивается в этом жанре, и вся наша жизнь, включая личную. Никакой катастрофы, особенно если это делается бескровно. Потому что пребывание в прежнем статусе — это точно конец. Я был недавно в Киеве — очень, знаете, приятное впечатление. Украина теперь — маленькая европейская страна, ночью в центре именно такое впечатление и производит. Там все уже совсем не наше, в Борисполе в аэропорту — ни одной надписи на русском языке. И хорошо.

— А вы что там делали?

— А там был на открытии офиса украинского «Коммерсанта», меня Андрей Васильев пригласил.

— Стоп! Вы же с ним снимались в «Великане»!

— Да, бываю, когда я не злой.

— Оно вам хоть раз помогло, скажем, в любви?

— В связях мимолетных и случайных — многоразово. В серьезных отношениях — никогда. В серьезных отношениях вообще ничто не помогает — ни узнаваемость, ни профессия, ни умение кого-то чем-то обаять. Тут платишь по полной, живым мясом.

— Какая из отцовских ролей вам нравится больше всего?

— Был такой фильм «Мама вышла замуж».

— А ваша мама после развода с ним вышла замуж?

— Нет.

■ Дмитрий Быков.

фото на развороте: Максим Бурлака, Сергей Снегуров, Лилия Шаровская, Николай Мануйлов (ИТАР-ТАСС)

Собеседник Михаил

14.09.2005